

Лучанский Михаил Самойлович

Ермолова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М69

М69 **Михаил Самойлович Л.**
Ермолова / Лучанский Михаил Самойлович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 286 с.

ISBN 978-5-519-94189-1

ISBN 978-5-519-94189-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Актеры! Взгляните, как время молодо!
Пылают знамена, и нет им числа.
Да где ж она, новая наша Ермолова,
Которая вышла б и всех потрясла?

(Виктор Гусев, Слава, акт II
1936 год).

ДОЧЬ СУФЛЕРА

Серая, пропыленная суфлерская раковина открыта со стороны сцены. Вдоль рампы льют призрачный, желтоватый свет шипящие газовые рожки с блестящими рефлексорами; по бокам будки, испуская струйки копоти, колеблются огоньки двух сальных свечей.

Будка рассчитана на одного человека, но в ней находятся двое. Справа — человек лет сорока, с преждевременно поблекшим лицом, редкими волосами, русой бородкой клинышком. Потертый черный сюртук, высокий жесткий воротничок, узкий галстучек «бабочкой». Перед суфлером — раскрытая тетрадка пьесы, но он почти не заглядывает в нее, подает не только слова, но и интонации, пристально следит за всем происходящим на сцене. Обычно актеры знают свои роли хорошо, и человек в будке только шепчет про себя их слова, одобрительно покачивая головой.

Изредка с кем-нибудь из актеров происходит ко-

ро́ткая, еле заметная для публики заминка. Из будки летит тихая реплика, актер подхватывает застрявшую в памяти фразу, действие продолжается.

К «подающему» тесно прижалась худенькая девочка лет восьми-девяти, в дешевом ситцевом платьице. Она держит правую ручку на плече суфлера и вся застыла в неподдельном восторге. Ей неудобно сидеть, ноги не достают даже до верхней ступеньки, под низким куполом будки душно, в нос бьет краска декораций и копоть горящих свечей, мешает раздающийся рядом монотонный шопот.

Но девочка не чувствует и не замечает ничего — ничего, кроме сцены и играющих на ней артистов. Ее левая ручонка все крепче впивается в потертый край грязной скамейки, лицо пылает, рот полуоткрыт, карие глазки в экстазе устремлены на сцену, на актеров. Старые знакомые декорации, мишурное золото, бутафорские шпаги, картонные доспехи?.. Нет, для девочки в ситцевом платьице это — сама жизнь, более подлинная, чем сидящий рядом отец и замерший позади, за тонким куполом, зрительный зал.

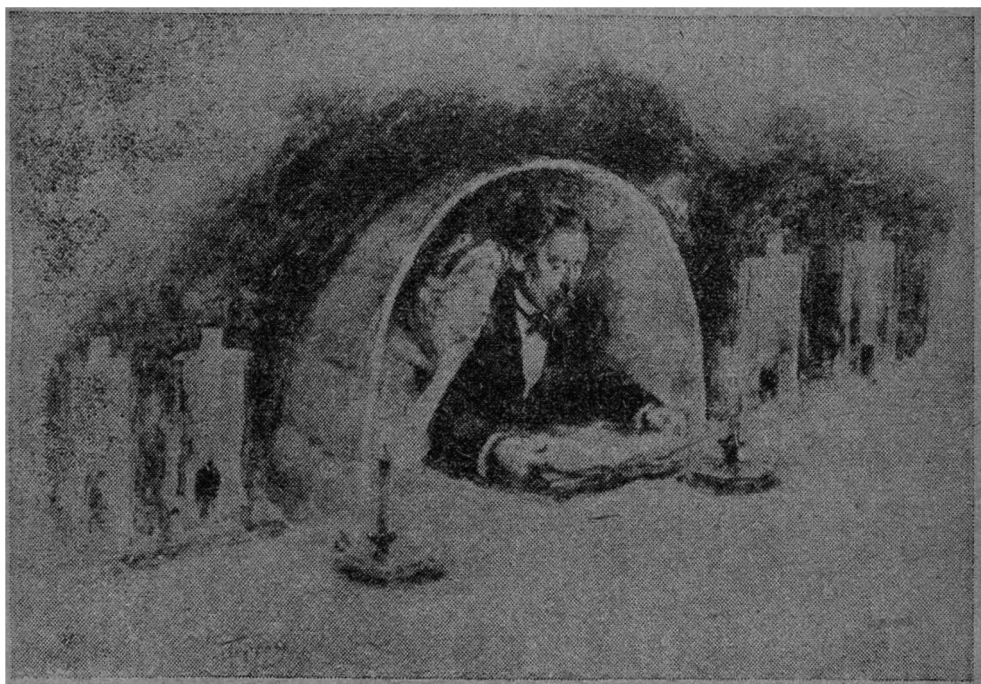
Девочка — не редкая гостья в суфлерской будке. Все артисты и все пьесы перевиданы по несколько раз. Это не уменьшает впечатления. Она понимает далеко не все, но с восхищением следит за величайшими реалистами — Садовским, Шумским, Самариным, приникает к самым глубоким основам сценического искусства и подсознательно готовится стать артисткой сама — непременно такой же, как они, непременно здесь, в этом же театре.

Маленькая зрительница так зачарована происходящим на сцене, что ее приводит в себя только резкий стук упавшего занавеса или слишком громкая реплика «шептуна»-отца.

В таком восторженном состоянии, в будке рядом с

отцом, нарисовал девочку известный русский художник Л. О. Пастернак, оставив один из самых трогательных рисунков в иконографии русского театра.

Время — начало шестидесятых годов прошлого столетия. Место — Москва, императорский Малый театр.

Суфлер Н. А. Ермолов с дочерью Машей.

С картины Л. Пастернака.

Человек в потертом сюртуке — Николай Алексеевич Ермолов, второй суфлер для водевилей и «пьес с пением». Худенькая девочка — его дочь Маша, будущая величайшая актриса, трагическая муза русского театра.

Весь род Ермоловых по отцовской линии — старинная театральная фамилия, подлинное театральное гнездо. Явление очень распространенное в старину: несколько поколений семьи посвящали себя театру. Таковы театральные династии Щепкиных, Садовских, Яблочки-

ных, Самойловых, Рыбаковых, Бороздиных-Музиль-Рыжовых, Гельцер, Домашовых.

Таким же театральным гнездом — только менее заметным — была и семья Ермоловых. Гнездо прилепилось к стволу Малого театра с самого его основания (1806), с той поры, когда столетний дуб был еще молодым театральным побегом, недавно привитым на московской почве.

С тех пор и до наших дней в Малом театре работают представители семьи Ермоловых.

Предки будущей артистки имели отношение к театру еще до открытия представлений в доме купца Варгина. Ее дед, Алексей Ермолов, в начале прошлого века был крепостным и играл на скрипке в помещичьем оркестре. В двадцатых годах историк театра застаёт Ермолова уже в Москве, в только что открытом императорском театре. Из оркестра Алексея Ермолова перевели в гардеробную на должность помощника гардеробмейстера. Должность называлась довольно пышно, но оплачивалась нищенски. Вместе с Алексеем Ермоловым в театр приходят какие-то его родственники, тоже на очень маленькие места. На серой афише старинного спектакля «Лукавин» (переделанная водевилистом А. И. Писаревым «Школа злословия» Р. Шеридана) в ролях слуг упоминаются Ермолов 1-й и Ермолов 2-й (сороковые годы).

На скромные места смог пристроить Алексей Ермолов и свое большое потомство — четырех сыновей и двух дочерей. Его старшему сыну Александру удалось, правда, пробиться в актеры на маленькие роли и, как передавало семейное предание, даже дружить с самим Павлом Степановичем Мочаловым¹. Двое других —

¹ Предание подтверждается позднейшими фактами. После появления картины Н. В. Неврева «Актер Мочалов читает в кругу поклонников» театральная печать сообщила, что среди слушателей

Иван и Петр — работали рядовыми танцовщиками в балете. Дочь Вера тоже танцевала в балете, ее сестра Клавдия служила на выходах в драме.

Младший сын — Николай Алексеевич Ермолов — был человеком не совсем заурядным.

По заведенному порядку он прошел через Театральное училище, которое обслуживало в прошлом столетии оба московских императорских театра — балет и драму. В училище Николай Алексеевич в числе нескольких воспитанников (П. В. Васильев, А. А. Рассказов и другие) не без успеха выступал в водевилях. Но в Малый театр его выпустили только младшим суфлером для водевилей и «пьес с пением». Он был человеком с умом, с художественным чутьем и не без искорки таланта. В пятидесятых годах написал для Малого театра несколько небольших водевилей и одноактных пьес. Свое неблагодарное суфлерское дело Николай Алексеевич выполнял прекрасно. Работа эта требует не только технического умения, но и своеобразной одаренности. Ермолов обладал феноменальной памятью, многие пьесы суфлировал наизусть. Тетрадка с текстом лежала перед ним лишь для формы, часто перевернутая или закрытая.

Один из старейших актеров Малого театра М. И. Лавров, начавший службу в середине прошлого века, вспоминал: Иван Васильевич Самарин, главный туз труппы, соглашался играть в спектакле лишь при условии, что суфлировать ему будет Николай Ермолов. В особенности настаивал на этом Самарин в последние годы своей деятельности. Память знаменитого артиста сильно ослабела, и ему все чаще приходилось «ловить»

знаменитого трагика изображен и дядя Ермоловой — «неизменный Сашка Ермолов, который всегда бывал неотлучно при Мочалове» («Артист», 1890, кн. 3). Картина Неврева воспроизведена в книге Ю. Соболева «Павел Мочалов». ЖЗЛ, 1937, вып. 22.

слова роли от суфлера. Тактичная и умелая ермоловская поддержка не раз выручала старевшего премьера.

Но сословные перегородки феодально-дворянской России, только вчера номинально отменившей крепостное право, неуклонно соблюдались и в театральном мире шестидесятых годов. За стенами театра сословность выражалась, например, в том, что губернаторы гнушались носить одну фамилию с актером. Если актер носил одну фамилию с «хозяином губернии», полицмейстер исправно вычеркивал ее с афиши (Л. Самсонов, Те же крепостные, «Суфлер», 1883). И в самом театре середины прошлого века, в частности в Малом, существовало строгое разделение на «белую» и «черную» кость. «Рабством был насыщен самый воздух театра», вспоминал один из его актеров.

«Всяк сверчок знай свой шесток» — эта неписанная «табель о рангах» соблюдалась в театре строго и неукоснительно. Заправила труппы — первый из них тот же Самарин — даже на почтенных актеров вроде Д. И. Миленского, прослужившего на сцене четверть века, но игравшего маленькие роли, смотрели сверху вниз, говорили им презрительное «ты», нехотя протягивали два пальца. Только что вызывавшие восторги публики благородными тирадами, они покрикивали «мелкой сошке», вроде суфлера Ермолова: «Эй, ты, послушай!»; пальцы не протягивались вовсе...

Недаром в эти годы актер Сергей Васильевич Шумский, человек умный и наблюдательный, сурово предупреждал о тяготах закулисного быта молодого студента Ивана Горелова — будущего выдающегося представителя реалистической актерской школы Владимира Николаевича Давыдова. Шумский всячески отговаривал юношу от поступления на сцену:

— Избави вас бог от всего этого! Ищите других дорог, кроме театра, — их не так уж мало!

Предупреждение, впрочем, не помогло. Молодой студент все же поступил на сцену и впоследствии стал знаменитым актером, «дедушкой» Малого театра, народным артистом республики.

Этот быт хорошо знал суфлер Николай Ермолов. Лишь изредка выпадали для него счастливые вечера. Перед самым спектаклем кто-нибудь из актеров пришлет режиссеру полуграмотную записку о том, что заболел и сегодня играть не может. Тогда из суфлерской раковины вылезал Николай Ермолов, на скорую руку гримировался, торопливо надевал чужой, не по фигуре, костюм и спешил заменить заболевшего исполнителя в каком-нибудь модном водевиле, вроде «В людях — ангел не жена, дома с мужем сатана», «Титулярные советники в домашнем быту», «Женихи-милашки» и в других подобных произведениях.

На короткие полчаса-час забитый суфлер превращался в полноправного актера, жил на сцене, и многие видели, что Ермолов и актер неплохой, с искоркой таланта. Но редкие минуты актерского подъема еще острее подчеркивали сознание собственной приниженности, усиливали горечь и обиду театрального неудачника, обреченного всю жизнь слепнуть в пыли и полутьме суфлерской раковины. Так и просидел Николай Ермолов в своей будке свыше тридцати лет (с 28 января 1846 года по 7 декабря 1878 года). В ней же нажил чахотку, которая потом свела его в могилу.

Род Ермоловых, начиная с деда Алексея, жил патриархально, по-старинке; женившись, сыновья продолжали жить вместе, не отделяясь. Николай Алексеевич после женитьбы также продолжал вначале жить вместе с братьями. Он взял в жены Александру Ильинишну Зайцеву, тихую, кроткую девушку, всю свою суровую жизнь отдавшую мужу и детям. Жили Ермоловы у церкви Благовещения на Тверской.

Здесь 3 июля 1853 года родилась у Ермоловых первая дочь, будущая актриса.

Года через три после рождения дочери Николай Ермолов отступил от семейных традиций. Отделившись от братьев, он с женой и маленькой Машей переехал в нижний этаж домика просвирни Воиновой в Б. Спаском (теперь Каретном) переулке Каретного ряда.

В этом домике и прошли детские и отроческие годы Маши Ермоловой¹.

Помещение, снятое Ермоловыми под названием нижнего этажа, было попросту полуподвалом, три подслеповатые окна которого угрюмо глядели на старинную белую церковь Спаса.

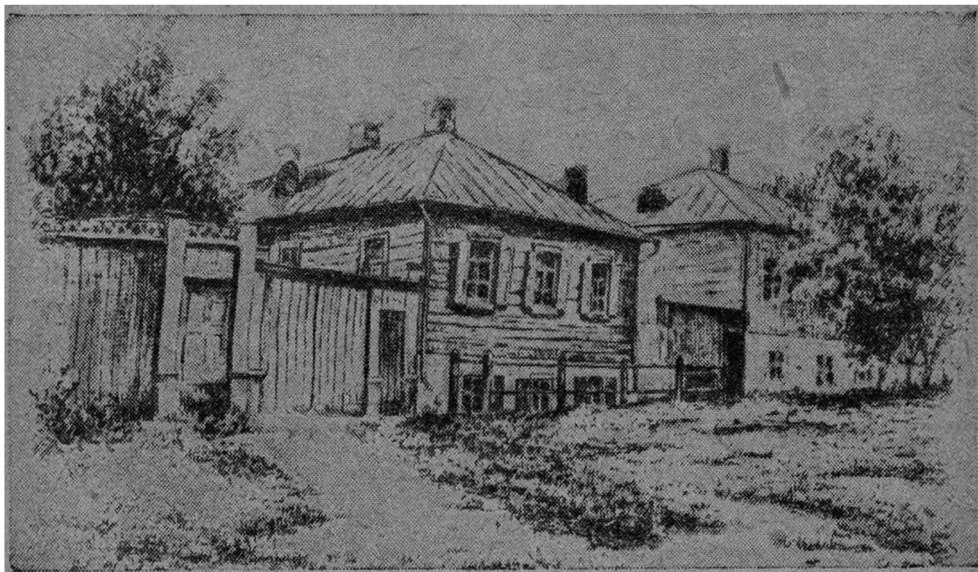
У Ермоловых — три комнатки, но одну из них они от себя сдавали какой-то немке, фрау Мур. В комнатках тесно, сыро, почти всегда темно. Зимой окна доверху заносило снегом, да и летом солнце очень неохотно заглядывало в них.

Мало тепла чувствовала маленькая Маша и в отношении родителей к себе. Александра Ильинишна любила свою дочь, но, женщина забитая, робкая, боялась проявлять при муже излишнюю ласковость к Машеньке. А отец? В западной и русской драматургии почему-то утвердилась традиция изображать театральных суфлеров какими-то нежно-грустными идеалистами или добрыми сентиментальными чудаками. Такими показаны Соломон в «Кине» А. Дюма-сына, Мишонэ в «Адриенне Лекуврер» Э. Скриба, Нароков в «Талантах и поклонниках» А. Островского.

¹ Покосившийся домик этот (№ 12) вообще примечателен в истории Малого театра: в нем родилась дочь театрального капельдинера Турчанинова, Евдокия Дмитриевна Турчанинова, теперь народная артистка РСФСР и орденоносец.

Церковь напротив домика сейчас снесена. На ее месте высится большое здание новой школы.

Николай Алексеевич Ермолос мало напоминал этот литературный тип театрального суфлера. Многолетнее сидение в пыльной полутьме будки, неудовлетворенность своим театральным уделом, сознание, что он мог бы сделать больше, постоянный трепет перед заправи-

Дом в Б. Спасском (теперь Б. Каретном) переулке; в нем М. Н. Ермолова провела свои детские и отроческие годы.

Рисунок Ф. Бурхардта.

лами императорского театра озлобили Ермолова. Они сделали характер его угрюмым, лицо неприветливым.

Ермолов рано пришел к убеждению, что в театре «человек человеку волк». Он не задумывался над тем, что правило это выходило за пределы одного старого театра, что оно — основной закон всего современного ему общества. Он издавна привык видеть в каждом человеке театра — с другими людьми он почти не встречался — если не явного, то скрытого врага.

Николай Алексеевич тоже любил Машеньку, отно-

сился к ней даже с какой-то болезненной нежностью. «Но жизнь выковала в нем такой педагогический принцип: вредно показывать детям нежность, нужно растить их в атмосфере строгости — только так подготовятся они к жизни суровой, жестокой, всегда щедрой на обиды и удары» (Н. Эфрос)¹. Малейшая ласка, всякое проявление нежности — учил Ермолова его собственный жизненный опыт — только ослабляют ребенка, делают его более податливым в жестокой борьбе, которая ожидает его впереди, и прежде всего — в театре...

У четы Ермоловых обычно печальные, хмурые лица. Молчаливая Александра Ильинишна стирает белье или возится по хозяйству, Николай Алексеевич, измученный нуждой и придирками театрального начальства, подозрительно покашливая, ждет казенного рыдвана, который повезет его в театр. В полутемном уголке маленькая Маша по складам, но с увлечением разбирает какую-то тетрадку... Конечно, это пьеса: других печатных произведений в доме Ермоловых не водилось. По пьесам, испещренным суфлерскими пометками отца, выучилась девочка читать, и эти перепачканные карандашом тетрадки еще долгое время послужат ей единственным материалом для чтения. В памяти всех, кто знал Ермолову ребенком и девочкой, она навсегда осталась с неизбежной пьесой в руках.

С самых ранних лет, едва научившись читать, Машенька Ермолова начала дышать воздухом театра.

Кладбище и театр...

Эти два места наложили свою печать на детское сознание Маши, повлияли на склад ее характера.

¹ Дальнейшие цитаты без указания источника — из его же работ о М. Н. Ермоловой,